

Захаров М. А.

24/8 82

24 OKT 1987

ГУДОК

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Марк ЗАХАРОВ:

Некого убеждать в пустом зале

Без малого полтора десятилетия руководит Московским театром имени Ленинского комсомола М. А. Захаров. И хотя, по его же словам, «это опасная для здоровья работа на износ», сам он неизменно бодр, ироничен и полон творческих замыслов. В его присутствии как-то непроизвольно подтягиваешься, становишься более собранным и начинаешь особенно ценить время — и свое, и его, столь занятого, нужно всем позарез и почему-то именно сейчас человека, которого ты держишь «под прицелом» магнитофона уже второй час, а он терпеливо отвечает на твои «почему?» и «не думаете ли вы, что...».

— Марк Анатольевич, почему все театры жалуются, что молодежь к ним не ходит, что «зритель постарел», а у вашего подъезда от мальчигов и девочек нет отбоя, «лишний билетик» спрашивают у эскалатора метро? У вас, может, молодежь особая?

— Да не в ней дело. Молодежь не ходит в театр не потому, что аморфна, инфантильна, как любят говорить некоторые, а потому что ничего хорошего от театра не ждет. Артисты периферийных театров жалуются, что вот выпустили хороший спектакль, а все равно

никто не идет. Значит, не верят. Значит, слишком много ошибок наделано. Доверие — вещь дорогая, с ходу его не приобретешь, надо зарабатывать, следить за своими поступками.

— Каким должен быть идеальный спектакль?

— Прежде всего интересующим именно зрителя, а не тех, кто ставит галочку, что такой-то спектакль на сельскую, рабочую, историко-революционную тему выпущен и, значит, проделана такая-то работа.

— Марк Анатольевич! Поскольку вы — не только

главный режиссер одного из столичных театров, но и секретарь правления Союза театральных деятелей СССР, хотелось бы услышать ваше мнение о демократических процессах в театре, о том, что принес с собой эксперимент.

— Чтобы эксперимент дал ощутимые перемены, надо еще очень много думать, потому что сам по себе он не гарантирует резкого улучшения театрального дела, победы новых форм. Что касается внутритеатральной демократии, то это меч обоюдоострый. Вопросы искусства не всегда решаются большинством голосов, поскольку большинство — за усредненное решение, без крайностей. Вы знаете, что теперь во всех театрах страны, даже тех, где эксперимент не проводится, ввели переизбрание творческого состава. Проводит его художественный совет театра. Так вот, я знаю одного дирижера, который считался стро-

гим, то есть требовал играть строго то, что есть в партитуре. Худсовет же переизбрал его — слишком много хлопот он доставлял.

Для поднятия престижа и, следовательно, для экономического преуспеяния необходим тот дирижер (или тот режиссер), который просит играть, как задумано автором, и предъявляет строгие требования к организации трудового процесса. Если отношение будет не осмысленное, не творческое, школьное, многие идеи эксперимента просто захлебнутся.

— Лидо театра — его репертуар. В репертуаре вашего театра много современных пьес и мало классических. Почему? Разве молодому зрителю не нужны сокровища мировой драматургии?

— Тут есть разные причины. В том числе и то, что прежние руководители сценического искусства сдерживали и осаживали тех режиссеров, кто подходил к клас-

сике нетрадиционно, хотел внести в судьбу классического произведения новые идеи. Как-то мы получили сердитое письмо от ленинградцев, которые пять часов простояли в очереди за билетами на «Оптимистическую трагедию» в нашем театре и были страшно разочарованы, потому что увидели совсем не то, что хотели. На подобные упреки я обычно отвечаю, что сам подлинник у нас переиздается и очень бережно, в миллионах экземпляров. К литературной основе мы относимся свято, но сценическое произведение — нечто другое. Мы ищем разные идеи, вариации его сценической судьбы. Здесь нужно действовать смело, рисковать. Ставить классику надо, только если имеешь новые живые идеи, интересные для сегодняшнего зрителя, для нового времени. С учетом того, что уже сделано до тебя. С уважением, но обязательно по-новому.

— Одна из последних пре-

мьер вашего театра — «Гамлет» — так и была поставлена, абсолютно нетрадиционно. Спектакль вызвал противоречивые отклики, в прессе были статьи и «за», и «против». А как относитесь к «Гамлету», поставленному в вашем театре кинорежиссером Глебом Панфиловым, вы?

— Необъективно. Я так рад, что спектакль состоялся, вышел. Работался он трудно, была масса преграл — технических и творческих. Но получилось заразительное и очень интересное зрелище с логикой, присущей режиссуре Панфилова. Мне это кажется важным и поучительным в нелегком деле освоения такого рода драматургии, который, если говорить честно, в русском театре не очень получался. Первые неудачи постигли МХАТ, когда он след за Чеховым и Горьким попробовал освоить высшую трагедию Шекспира, облеченную в стихотворную форму. Это драма-

тургия особого рода, играть ее надо как бы на котурнах, приподнято, уходить в высокое лицедейство, роднящее нас с Аристофаном, Шиллером, Корнелем. Поэтому так важно и полезно для нашего театра, что у нас появился «Гамлет».

— Вы снимаете в основном актеров своего театра. Неужели вам не хочется поработать с «чужими» актерами, получить от них какой-то новый импульс?

— Я придерживаюсь мнения Георгия Александровича Товстоногова, что театр можно сделать лишь один раз в жизни, поэтому к нашим актерам, какие бы перепады в отношениях у нас ни возникали, я подхожу как к члену одной семьи. Да, театр — это семья, и нам лучше надолго не расставаться, искать в новых формах ответы на интересующие нас вопросы. Мне важно, что со мной, когда я ухожу в кинематограф, рядом не просто артисты, а артисты Театра имени Ленинского комсомола.

Беседу записала
С. НОВИКОВА.